

НОБЕЛЕВСКИЙ ЛАУРЕАТ
СЕЛЬМА ЛАГЕРЛЁФ

ЛЕГЕНДЫ О ХРИСТЕ

Сельма Лагерлёф
Легенды о Христе

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Лагерлёф С.

Легенды о Христе / С. Лагерлёф — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

«Легенды о Христе» - произведение шведской писательницы, первой женщины, получившей Нобелевскую премию по литературе - Сельмы Оттилии Лувис Лагерлеф (швед. Selma Ottilia Lovisa Lagerlof; 20 ноября 1858 - 16 марта 1940) ***. Легенды о Христе написаны по впечатлениям от путешествий по древней иудейской земле. Писательница своими глазами видит вечные христианские святыни. Доброта и любовь побеждают благодаря вмешательству высшей силы. Оковы зла и проклятья над человечеством разрушаются – пришел Спаситель, готовый собственной смертью искупить его грехи. Работы Сельмы Лагерлеф написаны в сказочной манере и основаны на фольклоре. Среди них - романы «Предание о старом поместье» (1899), «Деньги господина Арне» (1904), новеллы «Невидимые узы» (1894), «Королевы из Кунгахэллы» (1899).

© Лагерлёф С.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Святая ночь	5
Видение императора	8
Колодец Мудрецов	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Сельма Лагерлёф Легенды о Христе

Святая ночь

Когда мне было пять лет, я пережила очень большое горе. Пожалуй, это было самое крупное горе, какое только выпадало на мою долю. У меня умерла бабушка. До самой своей смерти она проводила все время, сидя в своей комнате на угловом диване и рассказывая нам сказки. Помню я о бабушке очень мало. Помню, что у нее были красивые, белые как снег волосы, что ходила она совсем сгорбившись и постоянно вязала чулок. Потом я еще помню, что, рассказывая какую-нибудь сказку, она, бывало, положит мне на голову руку и скажет:

– И все это правда... Такая же правда, как и то, что мы сейчас видим друг друга.

Припоминается мне также, что она умела петь славные песни, только пела их не часто. В одной из этих песен говорилось о каком-то рыцаре и русалке. У этой песни был припев:

А по морю, а по морю дул холодный ветер!

Помню я еще одну молитву и псалом, которым она меня научила. Обо всех сказках, которые она мне рассказывала, у меня осталось слабое, смутное воспоминание, и только одну из них я помню так ясно, что могу ее пересказать. Это небольшая легенда о Рождестве Христове.

Вот, кажется, и все, что я помню о своей бабушке, кроме, впрочем, того чувства ужасного горя, которое я испытала, когда она умерла. Это я помню лучше всего. Словно вчера это было – так помню я утро, когда диван в углу вдруг оказался пустым и я не могла даже себе представить, как пройдет этот день. Это я помню вполне ясно и никогда не забуду.

Помню, как нас привели проститься с бабушкой и велели поцеловать ей руку, и как мы боялись поцеловать покойницу, и как кто-то сказал, что мы должны поблагодарить ее в последний раз за все те радости, которые она нам доставляла.

Помню я, как все наши сказки и песни положили вместе с бабушкой в длинный черный гроб и увезли... увезли навсегда. Мне казалось, что что-то исчезло тогда из нашей жизни. Как будто дверь в чудную, волшебную страну, по которой мы раньше свободно бродили, закрылась навсегда. И уж никто потом не сумел отворить эту дверь.

Мы, дети, постепенно научились играть в куклы и игрушки и жить, как живут все другие дети. И со стороны можно было подумать, что мы перестали тосковать о бабушке, перестали ее вспоминать.

Но и теперь еще, хотя с тех пор прошло сорок лет, в моей памяти ясно встает небольшая легенда о Рождестве Христове, которую мне не раз рассказывала бабушка. И мне самой хочется рассказать ее, хочется и ее включить в сборник «Легенды о Христе».

* * *

Это было в Рождественский сочельник. Все, кроме бабушки и меня, уехали в церковь. Только мы вдвоем, кажется, и остались во всем доме. Одна из нас была слишком стара, чтобы ехать, а другая – слишком мала. И обоим нам было грустно, что не придется услышать рождественский гимн и полюбоваться сиянием рождественских свечей в церкви. И бабушка, чтобы разогнать нашу грусть, принялась рассказывать.

– Однажды темной ночью, – начала она, – один человек отправился раздобыть огня. Он ходил от одного дома к другому, стучался и говорил: «Помогите мне, добрые люди! Жена моя родила ребеночка... Надо развести огонь и согреть ее и младенца».

Но дело было ночью, все уже спали, и никто не откликнулся на его просьбу.

Человек шел все дальше и дальше. Наконец он заметил вдали огонек. Он направился в ту сторону и увидел разведенный костер. Вокруг костра лежало стадо белых овец. Стадо сторожил старый пастух.

И вот человек, которому было нужно добыть огонь, подошел к овцам и увидел, что у ног пастуха лежат три большие собаки. При его приближении все три собаки проснулись, раскрыли свои широкие пасти, словно собираясь залаять, но не издали ни малейшего звука. Человек видел, как шерсть у собак на спине стала дыбом, как засверкали их белые зубы и как все они кинулись на него. Он почувствовал, что одна собака схватила было его за ногу, другая – за руку, а третья впиалась было ему в горло. Но челюсти и зубы не повиновались собакам, и они, не причинив ему ни малейшего вреда, отошли в сторону.

Тогда человек направился к костру, но овцы так плотно прижались друг к другу, что нельзя было пробраться между ними. Тогда он прошел по их спинам к костру, и ни одна из них не проснулась и даже не пошевелилась.

До сих пор бабушка рассказывала не останавливаясь, и я не прерывала ее, но тут у меня невольно вырвался вопрос:

– Почему же, бабушка, овцы продолжали спокойно лежать? Ведь они так пугливы? – спрашиваю я.

– Подожди немного, узнаешь! – говорит бабушка и продолжает свой рассказ.

– Когда человек этот почти дошел до костра, пастух поднял голову. Это был угрюмый старик, относившийся ко всем подозрительно и неприветливо. Когда он увидел приближавшегося к нему незнакомца, он схватил длинный, заостренный на конце посох, с которым ходил всегда за стадом, и бросил в него. Посох со свистом полетел прямо по направлению к незнакомцу, но, не долетая до него, отклонился и, пролетев мимо, со звоном упал в поле.

Бабушка хотела продолжать, но я опять перебила ее:

– Отчего же посох не попал в этого человека?

Но бабушка, не обратив внимания на мой вопрос, уже продолжала рассказ:

– Тогда незнакомец подошел к пастуху и сказал ему: «Помоги мне, друг мой. Дай мне огоньку. Жена моя родила ребеночка, и надо развести огонь, согреть ее и младенца!»

Пастух хотел ему отказать, но когда вспомнил, что собаки не могли укусить этого человека, овцы не испугались и не разбежались от него и посох не задел его, ему стало жутко, и он не посмел отказать незнакомцу.

«Бери сколько хочешь!» – сказал пастух. Но костер уже почти догорел, и не осталось ни одного полена, ни одного сучка – лежала только большая куча горячих угольев, а у незнакомца не было ни лопаты, ни ведра, в котором можно было бы их донести.

Увидев это, пастух повторил: «Бери сколько хочешь!» – и радовался при мысли, что тот не сможет унести с собой жар. Но незнакомец нагнулся, выгреб рукой из-под пепла уголья и положил их в полу своей одежды. И уголья не обожгли ему руки, когда он доставал их, и не прожгли его одежды. Он понес их, как будто это был не огонь, а орехи или яблоки.

На этом месте я перебиваю бабушку в третий раз:

– Отчего же, бабушка, уголья не обожгли его?

– Услышишь, услышишь! Подожди! – говорит бабушка и продолжает рассказывать дальше.

– Когда злой и угрюмый пастух увидел все это, он очень удивился: «Что это за ночь, что злые овчарки не кусаются, овцы не пугаются, посох не убивает, а огонь не жжет?!»

Он остановил незнакомца и спросил его: «Что за ночь сегодня? И отчего все к тебе относятся так милостиво?»

«Если ты сам не видишь, я не могу объяснить тебе этого!» – ответил незнакомец и пошел своей дорогой, чтобы поскорее развести огонь и отогреть свою жену и младенца.

Пастух решил не терять из вида незнакомца, пока не разузнает, что все это значит, и шел следом за ним, пока тот не добрался до своей стоянки. И пастух увидел, что у этого человека не было даже хижины, а жена его и младенец лежали в пустой пещере, где ничего не было, кроме голых каменных стен.

И подумал тогда пастух, что бедный невинный ребенок может замерзнуть в пещере, и, хотя сердце у него было не из нежных, ему стало жаль младенца. Решив помочь ему, пастух снял с плеча свою сумку, вынул оттуда мягкую белую овчину и отдал ее незнакомцу, чтобы тот положил на нее младенца.

И в ту же самую минуту, когда оказалось, что и он, жестокосердый, грубый человек, может быть милосерд, – открылись глаза его, и он увидел то, чего раньше не мог видеть, и услышал то, чего раньше не мог слышать.

Он увидел, что вокруг него стоят плотным кольцом маленькие ангельчики с серебряными крылышками и в руках у каждого из них – арфа, и услышал, что они громко поют о том, что в эту ночь родился Спаситель, который искупит мир от грехов.

И тогда понял пастух, отчего никто в эту ночь не мог причинить зла незнакомцу.

Оглянувшись, пастух увидел, что ангелы были повсюду: они сидели в пещере, спускались с горы, летали по небу; громадными толпами шли они по дороге, останавливались у входа в пещеру и смотрели на младенца.

И повсюду царила радость, ликование, пение и нежная музыка... И все это видел и слышал пастух в темную ночь, в которой раньше ничего не замечал. И ощутил он великую радость оттого, что открылись глаза его, и, упав на колени, благодарил Господа.

При этих словах бабушка вздохнула и сказала:

– Если бы мы умели смотреть, то и мы могли бы увидеть все, что видел пастух, потому что в рождественскую ночь ангелы всегда летают по небесам...

И, положив руку мне на голову, бабушка сказала:

– Запомни это... Это такая же правда, как и то, что мы видим друг друга. Дело не в свечах и лампадах, не в луне и солнце, а в том, чтобы иметь очи, которые могли бы видеть величие Господа!..

Видение императора

Это было в те времена, когда Август был римским императором, а Ирод – царем иудейским. И вот однажды на землю спустилась великая и святая ночь. То была самая темная ночь, какую когда-либо видели люди. Словно вся земля очутилась под какими-то мрачными сводами. Невозможно было отличить воду от земли и не заблудиться, идя даже по самой знакомой дороге. Да иначе и быть не могло, так как все звезды остались в эту ночь дома, а ласковый месяц отвернул свой лик от земли.

И так же глубоки, как и тьма, были безмолвие и тишина этой ночи. Реки остановились в своем течении, не слышно было дуновения ветерка, и даже осина перестала дрожать. Если бы кто пошел на берег моря, то увидел бы, что волны не бьются больше о берег; а если бы кто пошел в пустыню, песок не хрустнул бы у него под ногами. Все окаменело, и все было недвижимо, боясь нарушить тишину святой ночи. Трава приостановила свой рост, роса не падала, цветы не смели благоухать.

В эту ночь хищные звери не выходили на охоту, змеи не жалили, не лаяли собаки. И – что еще прекраснее – ни один из неодушевленных предметов не нарушал святости ночи, отказываясь помогать какому-либо дурному делу: отмычки не отпирали замков, нож отказывался пролить кровь.

В эту-то ночь в Риме небольшая кучка людей вышла из дворца на Палатине и направилась через Форум к Капитолию.

Незадолго перед тем, на закате дня, окружающие спросили императора, согласится ли он на то, чтобы ему воздвигнули храм на священной горе Рима. Но Август не сразу дал свое согласие. Он не знал, угодно ли будет богам, если ему воздвигнут храм наравне с ними, и решил раньше принести жертву своему духу-покровителю, чтобы узнать его волю. И вот он, в сопровождении нескольких приближенных, отправился совершать это жертвоприношение.

Август велел нести себя на носилках, потому что он был стар и высокие лестницы Капитолия были ему уже не под силу. Он сам держал клетку с голубями, которых он намеревался принести в жертву. С ним не было ни жрецов, ни солдат, ни сенаторов – одни лишь самые близкие друзья. Впереди шли, освещая дорогу, факельщики, а сзади следовали рабы, несшие алтарь-треножник, мечи, священный огонь и остальные принадлежности жертвоприношения.

По пути император весело беседовал с приближенными, и потому никто из них не заметил беспредельной тишины и мертвого молчания ночи. Только когда они достигли самой вершины Капитолия, где было выбрано место для нового храма, им стало ясно, что происходит нечто необычайное.

Эта ночь, несомненно, была не похожа на все другие ночи, потому что на краю скалы они увидели какой-то странный предмет. Сначала они приняли его за старый, опаленный молнией ствол оливкового дерева, потом им показалось, что на скалу вышло древнее каменное изваяние из храма Юпитера. Наконец они поняли, что это была старая Сибилла.

Никогда еще им не приходилось видеть такого старого, побуревшего от непогоды, гигантского существа. Эта старуха наводила ужас. Не будь с ними императора, они все бы тотчас же разбежались и попрятались в свои постели.

– Вот та, – шептали они друг другу, – которой столько же лет, сколько песчинок на берегу ее отчизны. Но почему именно сегодня, в эту ночь, вышла она из своей пещеры? Что предвещает императору и империи эта женщина, пишущая свои пророчества на листьях деревьев, зная, что ветер отнесет их тому, для кого они предназначаются?

Они все так перепугались, что, сделай Сибилла малейшее движение, они тотчас же упали бы на колени. Но она сидела неподвижно, как бездыханная. Согнувшись, сидела она на краю скалы и, полуприкрыв глаза рукою, всматривалась в ночную тьму. Казалось, она взобралась на

холм, чтобы рассмотреть что-то, происходившее в это время где-то там, бесконечно далеко. Значит, могла она что-нибудь разглядеть в такую темную ночь!

И в это самое мгновение император и вся свита заметили поразительную темноту ночи. Ничего не было видно даже на расстоянии руки. И какая тишина, какое безмолвие! Даже глухой рокот Тибра не долетал до их слуха. Но от этого неподвижного воздуха они задыхались, холодный пот выступил у них на лбу, руки оцепенели и обессилели. Они чувствовали, что должно совершиться что-то ужасное. Но никто не хотел обнаружить своего страха, и все говорили императору, что это счастливое предзнаменование: вся вселенная затаила дыхание, чтобы приветствовать нового бога. Они предложили Августу приступить к жертвоприношению и говорили, что старая Сибилла покинула свою пещеру, вероятно, для того, чтобы приветствовать императора.

В действительности же все внимание Сибиллы было так поглощено представшим перед нею видением, что едва ли она даже и заметила, как Август прибыл на Капитолий. Мысленно она перенеслась в далекую страну и там, казалось ей, брела по бесконечной равнине. В темноте она постоянно натывалась на что-то, что принимала за кочки. Она наклонилась и оцупала их рукой. Но нет, это не кочки, это – овцы. Она блуждала меж огромных стад спящих овец.

Затем она заметила костер пастухов. Костер горел среди поля, и она побрела туда. Пастухи расположились вокруг огня и спали, а подле них лежали длинные, заостренные посохи, которыми они обыкновенно защищали свои стада от диких зверей. Но вот эти маленькие зверьки, с сверкающими глазами и пушистыми хвостами, что крадучись подползали к огню, разве это не шакалы? А между тем пастухи не бросали в них посохов, собаки продолжали спать, овцы не разбежались, и дикие звери спокойно улеглись рядом с людьми.

Вот что развертывалось перед взорами Сибиллы, но она ничего не знала о том, что делается позади нее, на вершине горы. Она не знала, что там воздвигли жертвенник, развели огонь, посыпали куренья и император вынул из клетки голубя, чтобы принести его в жертву. Но руки его так онемели, что он не мог удержать птицы. Одним легким взмахом крыльев голубь вырвался на свободу и исчез в ночной тьме.

Увидев это, придворные недоброжелательно посмотрели на древнюю Сибиллу. Они думали, что она виновата в этом.

Откуда могли они знать, что Сибилле чудится, будто она стоит у пастушьего костра и прислушивается к нежной музыке, тихо звучащей среди мертвенной тишины ночи. Долго спустя после того, как она услышала эту музыку, Сибилла поняла, что она несется не с земли, а с неба. Тогда она подняла голову и увидела скользившие в темноте светлые лучезарные создания. То были небольшие группы ангелов, которые с радостным пением носились взад и вперед по равнине, словно ища кого-то.

Пока Сибилла внимала пению ангелов, император готовился принести новую жертву. Он умыл руки, очистил жертвенник и велел подать второго голубя. И хотя на этот раз он изо всех сил старался удержать его, гладкое тело птицы выскользнуло из его рук, и голубь исчез в непроглядной тьме.

Императора охватил ужас. Он преклонил колена пред алтарем и стал молиться своему духу-покровителю. Он молил отворотить несчастье, которое предвещала ему эта ночь.

Но и это прошло для Сибиллы незамеченным. Она вся была поглощена пением ангелов, которое звучало все громче и громче. Наконец оно раздалось так громко, что разбудило пастухов. Приподнявшись, глядели они, как светлые сонмы ангелов длинными колеблющимися вереницами, подобно перелетным птицам, прорезывали ночную тьму. У одних были в руках лютни и скрипки, у других – цитры и арфы, и пение их звучало радостно, как детский смех, и беззаботно, как щебетание ласточек. Услышав это, пастухи встали и направились к нагорному городку, где они жили, чтобы рассказать там об этом чуде.

Они пошли узкой извилистой тропинкой – и древняя Сибилла следила за ними. Внезапно вершина горы озарилась светом... Яркая, большая звезда зажглась над самой горой – и городок заблестал, как серебро, при свете звезд. Все сонмы носившихся в воздухе ангелов с радостными кликами устремились туда, а пастухи ускорили шаги и наконец побежали...

Прибежав в город, они увидели, что ангелы собрались над низким стойлом близ городских ворот. То была прилепившаяся к скале бедная лачужка с соломенной крышей. Над ней сияла звезда, и сюда слетались все новые и новые сонмы ангелов. Одни спустились на соломенную крышу и на отвесную скалу позади дома, другие парили, раскинув крылья, над хижинкой. И от их лучезарных крыльев весь воздух высоко-высоко светился ярким светом.

И когда над горным городком засияла звезда, вся природа сразу пробудилась, и кучка людей на Капитолии не могла не заметить этого. Они почувствовали, как свежий ласкающий ветерок пронесся в воздухе, как вокруг них разлилось благоухание, деревья зашумели, Тибр зарокотал, звезды засияли, и луна вдруг встала высоко на небе и осветила землю. А с облаков спустились два голубя и сели на плечи императору.

Когда произошло это чудо, Август в горделивой радости поднялся, а друзья и рабы бросились на колени.

– Ave, Caesar!¹ – воскликнули они. – Твой дух ответил тебе. Ты – тот бог, которому будут поклоняться на вершине Капитолия.

И восторженные клики, которыми славили Августа пораженные люди, были так громки, что дошли наконец до слуха старой Сибиллы и отвлекли ее от видения. Она поднялась с своего места на краю скалы и направилась к кучке людей. Казалось, темное облако поднялось из бездны и понеслось к вершине горы. Страшна была она в своей старости: спутанные волосы висели жидкими космами вокруг ее головы, суставы ее членов были вздуты, потемневшая кожа покрывала тело бесчисленными морщинами, как кора покрывает дерево.

Могучая и грозная, подошла она к императору. Одной рукой она взяла его за локоть, другой – указала ему на далекий Восток.

– Смотри! – сказала она ему.

И император поднял глаза и стал глядеть.

Пространство разверзлось пред его взором, и они проникли в далекую страну Востока. И он увидел бедное стойло под отвесной скалой и в открытых дверях – несколько коленопреклоненных пастухов. В стойле он увидел мать, преклонившуюся пред младенцем, лежавшим на соломе.

И костлявые пальцы Сибиллы указали на это бедное дитя.

– Ave, Caesar! – сказала Сибилла с презрительным смехом. – Вот Бог, которому будут поклоняться на высотах Капитолия.

Тогда Август отшатнулся от нее, как от безумной.

Но Сибиллой овладел могучий дух предвидения. Ее тусклые глаза засветились, руки простерлись к небу, голос преобразился и казался чужим; он стал таким звучным и могучим, что разносился по всей Вселенной. И она произнесла слова, которые, казалось, читала в звездах:

– Поклоняться на высотах Капитолия будут обновителю мира – Христу или Антихристу, – но не ничтожным людям.

Сказав это, она прошла мимо окаменевших от ужаса людей, медленно спустилась с горы и исчезла.

А на следующий день Август строго запретил народу воздвигать ему храм на Капитолии. Вместо этого он построил там храм в честь новорожденного Сына Божия и назвал его «Алтарь Неба» – «Ara Coelli».

¹ Да здравствует, Цезарь! (*лат.*)

Колодец Мудрецов

На древнюю иудейскую страну спустилась Засуха. Жестокая, неумолимая, проходила она по выжженной траве и поблекшему чертополоху.

Стояло лето. Солнце палило обнаженные склоны гор, малейший ветерок гнал облака известковой пыли по серовато-белой дороге, и изнуренные зноем стада толпились в долинах у иссякших ручьев.

Засуха бродила и отыскивала водохранилища. Она направилась к прудам Соломона и с досадой увидела, что в их скалистых берегах хранилось еще много влаги. Потом она спустилась вниз, к знаменитому колодцу Давида у Вифлеема, и там тоже нашла еще воду. Оттуда, шатаясь, поплелась она по большой дороге, ведущей из Вифлеема в Иерусалим. Пройдя приблизительно полпути, она увидела Колодец Мудрецов, лежавший у самой дороги, и сразу заметила, что он близок к гибели. Засуха села на сруб колодца, высеченный из цельного камня, и заглянула вниз. Блестящая водная поверхность, видневшаяся раньше у самого края колодца, отступила теперь глубоко вниз, а ил и тина со дна загрязнили и замутили ее.

Когда загорелое, обветренное лицо Засухи отразилось в тусклом зеркале воды, на дне колодца послышался жалобный плеск.

– Желала бы я знать, – сказала Засуха, – когда придет твой конец? Едва ли найдутся родники, которые могли бы возродить тебя. А о дожде, слава Богу, еще месяца два-три нечего и думать.

– Успокойся, – со вздохом ответил колодец. – Мне уже ничто не поможет. Спасти меня может только райский ключ.

– Я не покину тебя, пока ты весь не иссякнешь, – сказала Засуха.

Она видела, что древнему колодцу осталось недолго жить, и ей захотелось насладиться зрелищем его смерти, захотелось полюбоваться на то, как жизнь капля за каплей будет покидать его. Она уселась поудобнее на краю колодца и радостно прислушивалась к его предсмертным вздохам. Она ликовала, видя, как измученные жаждой путники подходили к колодцу, опускали в него бадью и вытаскивали ее обратно с несколькими каплями мутной, илистой воды.

Так прошел весь день, и, когда наступили сумерки, Засуха снова заглянула в колодец. На дне виднелось еще немного воды.

– Я просижу здесь всю ночь, – воскликнула она, – не торопись! С восходом солнца я снова загляну в тебя, и тогда уж наверно в тебе не уцелеет ни одной капли!

И Засуха уселась на крыше колодца. Душная ночь, еще ужаснее и мучительнее, чем день, спустилась на Иудею. Ежеминутно раздавался вой шакалов и собак, которому жалобно вторили из своих душных стойл истомившиеся от жажды коровы и ослы. Поднимавшийся по временам ветерок не приносил с собою прохлады, а был зноен и удушлив, как тяжелое горячее дыхание огромного спящего чудовища.

Звезды ярко сияли, и молодой месяц обливал серые холмы мерцающим голубовато-зеленым светом. И при его сиянии Засуха увидела, как большой караван поднимается на холм, где находится Колодец Мудрецов. Засуха всматривалась в приближавшихся путников, и ее снова охватывала радость при мысли о том, что все эти люди, стремящиеся к колодцу в надежде утолить свою жажду, не найдут здесь ни капли воды. В караване было так много животных и людей, что они могли бы вычерпать весь колодец, если бы даже он был полон. Вдруг ей показалось, что в этом караване, путешествующем ночью, есть что-то необычайное и таинственное.

Все верблюды появились как-то вдруг на холме, возвышавшемся над горизонтом, как будто они спустились с неба. При лунном свете они казались крупнее обыкновенных верблюдов и несли как-то слишком легко свою тяжелую кладь.

Но в то же время не могло быть никакого сомнения в том, что это были настоящие верблюды и настоящие живые люди. Засуха могла даже различить, что трое передних животных были кровные дромадеры², с серой лоснящейся шерстью. На них была богатая упряжь, роскошные чепраки, а в седлах покачивались красивые знатные всадники.

Караван остановился у колодца, дромадеры в три приема опустили на землю, и всадники сошли с них. Вьючные верблюды продолжали стоять; к ним подходили другие, и скоро они образовали бесконечную вереницу длинных шей, горбов и искусно привязанных вьюков.

Три всадника тотчас же подошли к Засухе и поклонились ей, приложив, по восточному обычаю, правую руку ко лбу и сердцу. Она увидела, что на них были ослепительно белые одежды и такие же громадные тюрбаны, на верхушках которых горели лучистые звезды, снятые, казалось, прямо с неба.

– Мы прибыли из далекой страны, – сказал один из чужестранцев, – и просим тебя сказать нам, действительно ли перед нами Колодец Мудрецов?

– Так еще называют его сегодня, – отвечала Засуха, – но завтра здесь уже не будет колодца. Он иссякнет сегодня ночью.

– Я это вижу, потому что ты здесь, – сказал путник. – Но разве это не один из тех священных колодцев, которые никогда не иссякнут? Иначе зачем бы ему носить это имя?

– Я знаю, что это – священный колодец, – сказала Засуха, – но что же из этого? Три мудреца, от которых он получил свое название, давно ведь в раю.

Три путешественника молча переглянулись.

– А знаешь ли ты историю этого древнего колодца? – спросил один из них.

– Я знаю истории всех колодцев и рек, всех ручьев и источников, – гордо ответила Засуха.

– Так, будь добра, расскажи нам историю этого колодца, священного Колодца Мудрецов, – просили чужестранцы.

И они уселись вокруг Засухи, исконного врага всего живущего на земле, и приготовились слушать.

Засуха откашлялась, выпрямилась, как сказочник, на своем сиденье и начала рассказ:

– В Габесе, в Мидии, в городе, расположенном у самой пустыни и потому являвшемся любимым моим местопребыванием, жили много лет тому назад три человека, славившиеся своей мудростью. Они были очень бедны, а это могло бы показаться очень странным для Габеса, где знание всегда было в большом почете и щедро оплачивалось. Но эти люди и не могли ожидать ничего иного: один из них был в очень преклонных годах, другой был поражен проказой, а третий был черный толстогубый негр. Люди считали первого слишком старым для того, чтобы что-нибудь извлечь из его мудрости; второго они избегали, боясь страшной заразы, а третьего не хотели и слушать, потому что в Габесе были убеждены, что мудрец не может прийти из Эфиопии.

Нужда сблизила трех мудрецов. Днем они просили милостыню у одних и тех же ворот храма, а ночью спали на одной и той же кровле. Не разлучаясь друг с другом, они могли, по крайней мере, коротать время, передавая друг другу все, что им приходилось наблюдать над жизнью и людьми.

Однажды ночью, когда они спали бок о бок на крыше, густо поросшей красными маками, старший из них проснулся и едва открыл глаза, как принялся будить других.

«Да будет благословенна наша бедность, заставляющая нас спать под открытым небом! – воскликнул он. – Проснитесь и взгляните на небо!»

– Это была ночь, – сказала Засуха, несколько смягчив голос, – которую никто не мог забыть. Было так светло, что небо, обычно похожее на темный свод, казалось глубоким и про-

² Дромадер (дромедар) – одногорбый верблюд.

зрачным и волновалось, словно море. Свет колебался в нем, и звезды, казалось, плавали на разных глубинах, одни в его светившихся волнах, другие на их поверхности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.